

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

УДК 282

В.В. Цибенко (Иванова)

Хизбулла и полемика о радикальном исламе в Турции*

Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета; tsibenkovv@sfedu.ru

Хизбулла – радикальная исламистская организация, возникшая и действующая на территории Турции. На ее примере рассматривается турецкая полемика по радикальному исламу, анализируется в исторической ретроспективе отношение различных политических сил к исламу, мусульманским террористическим группам, реисламизации общества, радикализации ислама.

Ключевые слова: *радикальный ислам, исламизм, террористическая организация, Турция.*

Hizbullah is a radical homegrown Islamists organization in Turkey. It is taken as an example for analyzing the Turkish polemics on radical Islam. Author also analyzes in historical retrospect the attitude of different political forces to Islamism, Islamic terrorist groups, re-Islamisation of the society and Islamic radicalization.

Keywords: *Radical Islam, Islamism, Terrorist Organization, Turkey.*

Сегодня Турция предлагает мировому сообществу свою модель демократического ислама как альтернативу радикальному. Однако такое восприятие турецкого ислама было сформировано сравнительно недавно и не охватывает всего многообразия форм турецкой религиозной жизни.

С возвращением ислама в конце XX в. на политическую арену страны тема радикальности, всегда находившаяся в прямой зависимости от политической конъюнктуры, стала предметом острой полемики. Светские элиты Турции, следуя заветам первого президента Мустафы Кемалю Ататюрка (1881–1938), называют радикальным любое совмещение ислама с политикой, видя в нем опасность для конституционного строя и угрозу политической стабильности. На протяжении всей республиканской истории страны они прилагали усилия для недопущения развития политического ислама. Однако демократизация страны привела к постепенному ослаблению запретов и реисламизации общества. Как следствие, в XXI в. исламская оппозиция превратилась в правящее большинство, а светская элита подверглась маргинализации.

После прихода к власти в 2002 г. консервативно-демократической Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP) произошла кардинальная переоценка роли ислама в жизни общества. Борьба с исламизмом, особенно актуальная для конца 90-х гг., перешла в борьбу с атеизмом.

Террористические организации. Официальные власти на протяжении многих десятилетий называли террором (термин «терроризм» не вошел в широкое употребление в Турции) исключительно деятельность курдских и коммунистических организаций.

* Статья подготовлена в рамках НИР по теме «Факторы и механизмы дестабилизации ситуации на Северном Кавказе: исламизм, национализм и регионализм» по проектной части государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности № 30.1577.2014/К.

Для активности исламских групп использовалось слово «реакция» (*иртиджа*), отражающее представление о реакционном характере религии. Символом реакции было принято Менеменское происшествие 1930 г. – мятеж под религиозными лозунгами в турецкой провинции Менемен, в ходе которого руководящий мятежниками шейх суфийского братства *накибандийа* учинил расправу над учителем начальной школы, офицером запаса Мустафой Фехми Кубилаем. В школьные учебники вошло описание того, как шейх испил крови Кубилая и насадил его отрубленную голову на палку, празднуя победу над неверными.

Борьба с реакцией в Турецкой Республике заключалась не только в многочисленных запретах на деятельность религиозных групп и организаций. В стране регулярно совершались разоблачения тайных мусульманских обществ, намеревающихся сменить конституционный строй и ввести шариатское правление, проводились громкие процессы против их лидеров и предполагаемых участников (например, Саида Нурси и его учеников – *нурджулар*).

Однако когда в 90-е гг. страну захлестнула волна насилия на религиозной почве и общество потрясла серия громких убийств светской интеллигенции, слово «террор» (*терёр*) стали применять для исламистских групп. Шокирующими стали известия о гибели адвоката и известного кемалиста Муаммера Аксой, редактора секулярной газеты «Хюрриет» Четина Емеч, бывшего имама и критика ислама Турана Дурсун, писательницы и политической деятельницы Бахрие Учок в 1990 г., известного левого журналиста Угура Мумджу в 1993 г., политика и писателя Ахмета Танера Кышлалы в 1999 г. В совершении этих убийств подозревались несколько исламистских организаций, однако до сих пор находятся все новые виновные. Характерно, что сейчас подозреваемыми в этих нераскрытых убийствах становятся не исламисты, а проходящие по делу об антиправительственном заговоре «Эргенекон» представители светской элиты Турции.

Из употребления выходят такие определения, как «исламские/исламистские террористические организации» и «исламский/исламистский террор». Использование этих терминов становится признаком исламофобии и «антиисламской паранойи» [50, р. 119–120]. Премьер-министр и лидер правящей партии Реджеп Тайип Эрдоган указывает на несовместимость террора и ислама, а сводящих эти два понятия вместе называет главными расистами и дискриминаторами [29].

Подобная тенденция прослеживается и в исследовательской литературе, о чем свидетельствует распространение таких определений, как «террор по религиозным мотивам» [8], «террор под маской религии» [50], «террор религиозной тематики» [7] и «террор, эксплуатирующий религию» [39].

«Иранский след». Присутствие радикальных исламистских групп в Турции связывают преимущественно с внешними факторами, в первую очередь с влиянием Ирана [11: 40]. Причиной распространения радикальных исламистских идей называют шиитскую религиозную пропаганду, экспорт революционных идей, а также непосредственное участие иранского руководства и спецслужб. Традиция обвинять шиитский Иран в целенаправленной поддержке религиозного инакомыслия в суннитской Турции уходит корнями еще в османское прошлое.

«Иранский след» турецкие власти усматривают в любой террористической деятельности, связанной с исламом, поскольку «Иран формирует для людей, склонных к радикальному мышлению и интересующихся радикальными идеями, пример единственной исламской революции, достигшей успеха» [33, с. 148–149]. Радикальный ислам, как привнесенный извне, противопоставляют традиционному турецкому исламу – умеренному, толерантному, демократичному.

Следует отметить, что ранее основным источником исламского радикализма в Турции считались враждебные светскому режиму и выступавшие за введение шариата суфийские братства (*нурджулар, сулейманджилар, накшбандийа, тиджанийа, кадирийа*) [6]. Кроме того, угрозой признавались религиозные ультранационалистические молодежные группировки, выступающие под такими лозунгами, как «Тюркизм – наше тело, Исламизм – наш дух» и «Нельзя быть турком, не будучи мусульманином» [26, с. 104].

Процесс радикализации ислама в Турции. После окончания Второй мировой войны в ходе введения многопартийной системы начинается широкое использование исламского фактора в предвыборной борьбе. В стране появляются многочисленные журналы с исламской тематикой, на которых вырастает целое поколение молодых исламистов. Пришедшая к власти в 1950 г. Демократическая партия проводит ряд исламских законов: возвращается призыв к молитве (*азан*) на арабском языке (с 1932 г. осуществлялся на турецком), по радио трижды в неделю читают Коран, в школах вводятся факультативные уроки по исламу, основываются школы *имам-хатыбов* и исламский институт, открываются 15 тысяч новых мечетей [24].

В политику начинают просачиваться члены запрещенных суфийских братств, формируя тесно связанный с религиозными анатолийскими предпринимателями теневой сектор. Одним из влиятельных центров становится накшбандийская обитель Гюмюшханеви. Под руководством шейха Мехмета Захида Котку (1897–1980) в ней приобщаются к суфизму первые лица будущей политической элиты страны, благодаря которым исламизация Турции выходит на новую ступень, – Тургут Озал, Неджметтин Эрбакан, Реджеп Тайип Эрдоган и Абдуллах Гюль.

Переломный момент в формировании организованного исламистского движения пришелся на военный переворот 1980 г. После разгрома военными националистического и левого движений радикально настроенная молодежь, особенно университетская, увлекается идеями исламизма. Начинается массовый перевод исламистской литературы не столько иранских, сколько египетских и пакистанских авторов. Молодежь объединяется в кружки при книжных магазинах и издательствах. Укрепляется представление о современном этапе как времени языческого невежества (*джахилия*), разделении на истинных мусульман и лицемеров (*мунафик*), осуществляется исламский призыв (*да'ват*) к выступлению против атеистической системы и ее представителей.

Поскольку Турция обозначалась территорией войны (*дар аль-харб*), дозволенными становились любые формы насилия [40, с. 188]. Отвергая авторитет представителей «официального ислама», молодые радикалы бойкотировали пятничные молитвы в мечети, за что получили прозвище «беспятничники» (*джумасызлар*) [10].

Именно в это время собирается радикальная исламистская группа Хизбулла (*Hizbullah*), получившая впоследствии широкую известность как «Партия ужаса». На ее примере можно проследить не только основные этапы развития радикального ислама с 80-х гг. XX в. по первую декаду XXI в. включительно, но и изменения самого понимания радикальности в Турции.

История возникновения Хизбуллы. Хизбулла (араб. حزب الله, «партия Аллаха») не связана с одноименной ливанской террористической организацией и действует только на территории Турции. Основы Хизбуллы были заложены в 80-е гг. в Юго-Восточной Анатолии в курдской суннитской среде. Молодежь собиралась для чтения исламистской литературы и обсуждения последних политических событий, и одним из центров собраний в 1979–1980 гг. стал магазин «Вахдет» в г. Диярбакыр.

Участники кружка вскоре стали отделяться и открывать собственные книжные магазины: в 1981 г. Фидан Гюнгёр создал «Мензиль», в 1982 г. Хусейн Велиоглу –

«Илим» [33, с. 147]. С течением времени все большее влияние стал приобретать Хусейн Велиоглу. В 1984 г., вдохновившись примером египетского «Общества мусульман» (более известного под названием «ат-Такфир ва-ль-Хиджра»), в г. Батман отделилась группа под руководством Али Билиджи, Шефика Полата, Экрема Байтапа и Ихсана Дениза. Они приняли название «Исламское движение» (İslami Hareket) и пропагандировали принцип «*такфир*», т. е. объявление неверным (*кафир*) любого, не согласного с их идеями. Исламское движение, до сих пор считающееся ветвью Хизбуллы [27, с. 42], отказывалось от любых контактов с институтами «официального» ислама, бойкотировало регулярные молитвы (*намаз*) и преследовало имамов неподконтрольных ему мечетей [21].

В 1986 г. владелец книжного магазина «Вахдет» Ясин Экинджи совместно со своим сыном Абдулвахабом отказался признать лидерство Хусейна Велиоглу и образовал собственную группу «Вахдет» [47]. В 1989 г. из-за разногласий по вопросам власти и финансов уходит Фидан Гюнгёр и встает во главе группы «Мензиль» [12]. Однако основной остается группа «Илим» во главе с Хусейном Велиоглу – именно она стала именоваться «Хизбулла». Это название впоследствии было принято и самими членами «Илим» как общественное признание заслуг в установлении исламского правления.

Идеология Хизбуллы. До появления Хизбуллы у курдов была лишь одна исламистская организация – Исламская партия Курдистана (Partiya Islamiya Kurdistan, PIK). Под влиянием идей египетских «Братьев – мусульман», из которых вышли основатели партии [11, с. 4], она объявила священную войну (*джихад*) варварским и тираническим режимам. На Хизбуллу также значительное влияние оказала идеология «Братьев мусульман» [39, с. 23]. Характерно, что руководитель Хизбуллы Эдип Гюмюш горячо поддержал «Братьев–мусульман» в Египте во время «Арабской весны» как лидеров исламского мира в борьбе против «*кафиров*, тиранов и *мунафиков*» [20]. Кроме того, отмечается воздействие на основателей Хизбуллы идей курдского богослова Саида Нурси и англичанина пакистанского происхождения Калима Сиддики [11, с. 17; 27, с. 43]. Турецкие исследователи считают определяющим фактором в формировании идеологической базы Хизбуллы иранскую революцию 1979 г. [12, 33, с. 147], несмотря на ее шиитский характер.

Идеология Хизбуллы отличается эклектичностью, что обусловлено отсутствием собственных идеологических трудов и письменных агитационно-пропагандистских материалов [11, с. 6]. Тем не менее, 95 % членов Хизбуллы считают, что познали истинный ислам и стали мусульманами только после вступления в организацию [33, с. 156–157].

Для установления исламского правления в Турции, а затем во всем мире лидерами Хизбуллы была предложена стратегия из трех ступеней: извещение (*таблиг*), создание общины истинно верующих (*джамаат*) и вооруженная борьба (*джихад*) [25]. Врагами объявлялись неверные (*кафир*) и мусульмане-лицемеры (*мунафик*). Их убийство, как и собственная смерть на священной войне считались благом [12, 15, с. 103; 33, с. 149].

Структура Хизбуллы. Хизбулла рекрутировала активистов среди молодежи (57 % членов в возрасте от 14 до 17 лет), что соответствует общей тенденции для террористических организаций Турции. Ее кадровый состав характеризовался высоким уровнем образования (особенно руководящее звено), при этом более половины участников не имело постоянного места работы и происходило из многодетных семей (от 7 до 13 детей [2, 33, с. 153–154]). На 1999 г. количество сторонников Хизбуллы оценивалось в 25 тысяч, из них 4 тысячи – вооруженные активисты [30, с. 37].

Хизбулла функционировала преимущественно в городском пространстве и была четко структурирована. Политическое крыло занималось пропагандой идеи группы и вербовкой новых членов (в первую очередь в образовательных учреждениях и мечетях), военное – подготовкой и проведением террористических акций. Каждая пропагандистская и террористическая ячейка возглавлялись «ответственным лицом» (*сорумлу*). Активисты были знакомы только в рамках одной ячейки, состоящей из 2–6 человек, над каждой операцией работало до 3 ячеек одновременно.

Политическое и военное крыло были подконтрольны Высшему Совету (*Юст Шура*). Работа на местах координировалась местными советами (*Алт Шура*), а также «ответственными» за каждое отдельное учебное учреждение, мечеть, квартал или селение [25]. Общее руководство Хизбуллой осуществлялось духовным и политическим лидерами: первый занимался религиозной мотивацией рекрутов, второй – непосредственно командованием.

Террористическая активность Хизбуллы. На первом этапе основным противником Хизбуллы была выбрана группа «Мензиль», выступавшая против вооруженных методов борьбы. Современный этап развития турецкого общества уподоблялся членами «Мензиль» мекканскому периоду пророческой миссии Мухаммада, когда тот занимался проповедью и исламским призывом. Более радикальная группа Хусейна Велиоглу объявила, что время *таблига* уже прошло. По их мнению, настал мединский период, т. е. необходимость построения исламского государства, и *джихад* [47], в т. ч. против инакомыслящих. Реализуя эти идеи на практике, Хизбулла в 1994 г. ликвидировала руководителя «Мензиль» Фидана Гюнгёра. Кроме того, в период между 1990 и 1993 гг. были убиты 22 имама, не разделявших радикальных идей Хизбуллы [4, с. 151].

Одновременно Хизбулла выбирает объектом своих атак социалистическую Рабочую партию Курдистана (*Partiya Karkerên Kurdistan, PKK*), которую называет «Партией тирании» (*Hizbuz-zulüm*) и «Неверной партией Курдистана» (*Partiya Kâfirin Kürdistan*). Начало конфликта отсчитывают с убийства членами Рабочей партии Курдистана отца и жены одного из «ответственных» Хизбуллы по району Идиль и ответное убийство Хизбуллой сторонника Рабочей партии Курдистана Михаила Байро [25].

Противостояние продолжилось с 1991 по 1995 гг., порождая насилие в ответ на насилие [19]. Количество жертв в это время превысило тысячу человек [23]. Характерно, что поводом для вступления в Хизбуллу в этот период особенно часто служила кровная месть [33, с. 152, 159–160; 39, с. 24]. Столкновению был положен конец в 1995 г. в иранском городе Кум при посредничестве иракских лидеров курдского движения Османа Азиза и Адхама Барзани [11, с. 7, 25, 12].

Ослабляя позиции Рабочей партии Курдистана в Юго-Восточной Анатолии, Хизбулла претендовала на монопольную власть в регионе и планировала превратиться в единственную оппозицию правительству. Группа практиковала похищения людей за выкуп, убийства мирных граждан, насильно собирала ренту под видом мусульманских налогов (*закят, харадж*), изымала жертвенных баранов и получала значительный доход от продажи их шкур.

Однако для широкой общественности Хизбулла стала широко известна после похищения в 1998 г. и убийства мусульманской писательницы Конджи Куриш, отстаивавшей права женщин в исламе (в частности, совершать *намаз* в одном ряду с мужчинами). Идеи феминизма и секуляризма она совмещала с критическим подходом к исламу, что вызвало агрессию турецких исламистов. Конджа Куриш вместе с мужем входила в братство *накибандийа*. Затем она вступила в Хизбуллу, однако, съездив в Иран, разочаровалась в идеях группы [22: 31]. В 1999 г. в редакции журналов и отделения по-

лиции по факсу поступило заявление за подписью Хизбуллы. В нем говорилось о «казни» писательницы бойцами Хизбуллы как пособницы сионистов, безбожницы и врага ислама [44].

Следует отметить, что уже ранее, в 1990 г., ветвь Хизбуллы – Исламское движение – взяло на себя ответственность за аналогичное убийство выступавшей за права мусульманок первой женщины-преподавателя Богословского факультета Анкарского университета Бахрие Учок. Позвонив в редакцию турецкой газеты, неизвестные сообщили, что Бахрие наказана за свои протесты против принуждения в ношении платка [5, с. 30].

Также на счет Хизбуллы относили и другие скандальные убийства 90-х гг. Было установлено, что только с 1998 по 2000 гг. членами организации было похищено и убито 60 человек, которых пытали, записывая происходящее на пленку, а затем убивали или хоронили заживо [5, с. 39; 33, с. 148–149]. Достоянием широкой общественности эти подробности стали после полицейской операции в районе Стамбула Бейкоз 17 января 2000 г., во время которой был убит Хусейн Велиоглу и задержаны лидер военного крыла Джемаль Тутар и «ответственный» по Стамбулу Эдип Гюмюш. Кроме того, в ходе операций было изъято 20 тысяч страниц архивов Хизбуллы (дешифровкой архивов занималось ФБР).

После серии обысков были обнаружены «могильные дома» с захороненными в них жертвами. С этого момента свиной жир, которым пытали жертв, а также кассеты с записями пыток и «могильные дома» стали визитной карточкой Хизбуллы. Благодаря прессе за организацией закрепилось название «Партия ужаса» (Hizbulvahset).

По результатам сенсационной операции была развернута широкомасштабная война с террором, проведен ряд рейдов, захвачены около 70 членов высшего и локального советов, арестовано несколько тысяч подозреваемых. По обвинению в многочисленных убийствах, попытке сменить конституционный строй и установить шариатское правление десятки членов Хизбуллы получили смертный приговор (впоследствии заменен тюремным заключением). Последней крупной акцией Хизбуллы стало убийство шефа полиции Диярбакыра Гаффара Оккана в 2001 г., через год после руководимой им успешной антитеррористической операции [5, с. 41, 44; 12; 39, с. 3, 24; 34].

«Вторая Хизбулла». В 2003 г. почти тысяча членов Хизбуллы была отпущена на свободу по закону об амнистии, и с этого момента начинается история «второй Хизбуллы», как окрестили ее исследователи [33]. Организация начинает переходить к легальной деятельности, осуществляя косвенную пропаганду исламистских идей через курсы Корана, занятия по подготовке к вступительным экзаменам и в студенческих общежитиях. В 2004 г. организация напечатала 6 книг (тиражом по 8 тысяч копий), в том числе книгу по истории организации «Хизбулла из первых уст и важный срез истории борьбы» («Kendi dilinden Hizbullah ve Mücadele Tarihinden Önemli Kesitler»). Ее автором стал проживающий в Германии лидер организации Иса Атасой под псевдонимом Хусейн Севда.

Хизбулла также выпускает многотысячными тиражами журналы (в Турции: «Gönülden Gönüle Damlalar», «İnzar», в Швейцарии: «Müjde»), имеет два книжных магазина («Davet» в Элазиге и «Risale» в Батмане), собственный интернет-сайт (www.yesrip.com) и две правозащитные организации в Диярбакыре («İnsan Hakları» и «Mustazaflarla Dayanışma Derneği»). Более того, в 2012 г. членами Хизбуллы зарегистрирована Партия независимого дела (Hür Dava Partisi, HÜDA-PAR). Однако эксперты воспринимают образ «второй Хизбуллы» как тактический ход. Основываясь на особенностях истории и идеологии организации, они ожидают нового витка радикализации.

Среди подтверждающих их предположения доводов – отсутствие раскаяния за совершенные преступления, призывы к мести за убийство Велиоглу, работа с прежней рекрутской базой [15, 39, с. 24].

Успешность новой тактики Хизбуллы можно оценить по организованным ею в Диярбакыре в 2006 г. протестам против карикатур на пророка Мухаммада, в которых приняло участие до 100 тысяч человек [11, с. 1]. Таким образом, Хизбулла остается влиятельной силой на Юго-Востоке Турции, способной мобилизовать значительные людские ресурсы благодаря пропаганде исламистских идей.

Обвинения в связях с Хизбуллой. Случай Хизбуллы выявил ряд серьезных противоречий в турецком обществе. С одной стороны, некоторые журналисты и даже официальные лица указывали на невозможность турецкого происхождения подобной радикальной исламистской организации. Они обвиняли шиитский Иран не только в идеологическом влиянии, но и в подготовке и обучении бойцов Хизбуллы.

В то же время огромное распространение получила версия поддержки Хизбуллы турецким правительством для устранения неугодных лиц и борьбы с повстанческой Рабочей партией Курдистана. Эта версия получила подкрепление в ходе «сусурлукского скандала» 1996 г., разразившегося в результате произошедшей в районе Сусурлук автокатастрофы, когда в одной машине погибли разыскиваемый Интерполом лидер турецких ультранационалистов, заместитель начальника полиции Стамбула и член парламента из влиятельного курдского клана. Это продемонстрировало тесную связь между криминалитетом и властными структурами. Казавшийся немыслимым до этого союз турецких националистов и курдов дал повод подозревать правительство в использовании Хизбуллы как пешечной исламистской группы для реализации собственных целей. Это подтверждалось обратной зависимостью между количеством инцидентов с участием Хизбуллы и проводимых против нее полицейских операций [9, с. 75–78].

В свете военного переворота 1997 г., приведшего к отставке Эрбакана и закрытию его Партии Благоденствия (Refah Partisi, RP), секулярный блок интерпретировал террористическую активность Хизбуллы как последствие прихода политического ислама к власти. Подчеркивалась идеологическая связка террористических групп с пришедшим к власти в 90-е гг. исламистским правительством Неджметтина Эрбакана, что объясняло его попустительское отношение к радикальным исламистским группам. Утверждалось, что местные власти проводили тренировки для членов Хизбуллы и обеспечивали их оружием. Указывали на гибель журналистов (Халит Гюнген, Намык Таранджы, Хафиз Акдемир), расследовавших связи Хизбуллы со службами безопасности Турции. В ответ турецкие исламисты настаивали на том, что Хизбулла является примером отклонения от истинного ислама, и упрекали военных в бездействии.

В правление Партии справедливости и развития в громких убийствах, приписываемых в 90-х Хизбулле, стали подозревать уже светское крыло. Высшие военные чины были обвинены в манипуляциях общественным сознанием и устранении под прикрытием радикального ислама неугодных им лиц. Дополнительные оттенки к этой сложной картине добавило наметившееся в последнее время противоборство Хизбуллы и нурджистского движения Фетхуллаха Гюлена. Через подконтрольные движению СМИ ведется информационная кампания против «второй Хизбуллы». Ее уличают в связях с обвиняемыми по делу «Эргенекон», например лидером левой Рабочей партии (İşçi Partisi, İP) Догу Перинчеком. Гюленовская газета «Bugün» публикует сенсационное заявление отставного полковника Ариффа Догана, что он лично создал Хизбуллу и хранит материалы о 10 тысячах ее членов [17]. Кроме того, Хизбуллу подозревают в попытке воспользоваться закрытием гюленовских школ и курсов для собственной пропаганды-

стской работы среди молодежи. Обостряет конкуренцию двух исламистских групп произошедшая в последние годы кооперация Хизбуллы с объединениями *нурджулар*, оппозиционными Гюлену.

Негативный образ Хизбуллы был одновременно выгоден нескольким силам в турецком общественно-политическом пространстве для борьбы с конкурентами. Обвинение в связях с Хизбуллой стало козырем, который использовался светским крылом против религиозного, религиозным – против светского, а также для противопоставления умеренного и радикального ислама.

Внутренний и внешний радикализм. Хизбулла выполнила роль лакмусовой бумажки для тех противоречий, которые наблюдаются в современном турецком обществе. Она стала первой террористической исламистской организацией в Турции, поставив на повестку дня вопрос радикального ислама. Однако факт существования подобной группы, вызвав противоречивую реакцию разных общественных сил, спровоцировал ожесточенную полемику и стал использоваться в политических целях. Обвинения в радикальности отдельных исламских групп или даже всего ислама стали являться фактором не только внутривнутриполитической, но и внутриисламской конкуренции.

С приходом к власти Партии справедливости и развития официальный акцент с исламского радикализма внутри страны стал смещаться на внешний исламский радикализм. После обнаружения на территории Турции террористической ячейки Аль-Каиды в 2003 г. президент США Джордж Буш назвал Турцию линией фронта в войне против международного терроризма. Турция стала позиционироваться как «формула против радикального ислама и исламофобии», «лаборатория политики и экономики для стран Востока», модель «модерного» и «умеренного», т. е. демократичного ислама [48]. Аль-Каида же олицетворяла собой все негативные проявления политической активности мусульман, заменив собой в турецком общественном сознании Хизбуллу.

По мнению властей, «Партия справедливости и развития – главный враг Аль-Каиды, потому что мы другое лицо ислама» [3, с. 4]. Когда затянувшийся сирийский конфликт привел к частичному пересмотру турецкой позиции по поддержке оппозиционеров в этой стране, были немедленно обнародованы данные турецкой разведки о присутствии в оппозиционном лагере представителей 47 вооруженных исламистских организаций, связанных с Аль-Каидой [43]. Серьезные опасения стало вызывать их возможное проникновение в Турцию для ведения террористической деятельности.

Тем не менее, правительственная позиция по противопоставлению внешнего радикального ислама внутреннему демократичному разделяется далеко не всеми. Достаточно распространено в Турции, особенно среди левых, представление об искусственности такого разделения. Указывается, что оно выгодно западным силам, использующим его в своих интересах [47].

Кроме того, нельзя сказать об исчезновении радикального ислама как внутреннего фактора жизни турецкого общества. Например, Европарламент отмечает активизацию радикальных исламистов в турецком сегменте сети Интернет и принуждает Турцию как кандидата на вступление в ЕС проводить надлежащую работу по ограничению и запрету их деятельности, занимаясь планомерной борьбой с терроризмом [1].

Не утихает и критика радикального ислама внутри Турции. Наступление на светскую элиту страны обернулось усилением оппозиционных и антиисламских настроений. Проводимая правящей партией консервативная политика стала подвергаться жесткой критике как радикально исламистская. Символом нового консервативного исламизма была выбрана Сивасская бойня 1993 г., когда обычные граждане [28], подвергшиеся исламистской пропаганде, учинили погром отеля. Вина за гибель людей с от-

дельных исламистских организаций стала переноситься на исламизм в целом и Партию справедливости и развития в частности. Журналисты отмечают, что среди адвокатов погромщиков находилось большое количество членов Партии Благоденствия Эрбакана, которые впоследствии заняли высокие посты в правящей партии Эрдогана [36, 37, 38].

Болезненно воспринимается прогрессирующая исламизация страны, наглядно проявляющаяся в ношении *хиджаба* все большим числом женщин (в том числе женами первых лиц). Особенно сильную реакцию вызвал ряд антиалкогольных законов, признанных актом вторжения радикальных исламистов в личную жизнь граждан [41]. В оборот был введен термин «исламофашизм» [13; 16; 45]. Эрдогана стали уподоблять Гитлеру [18], а дело «Эргенекон» – сталинским репрессиям [35].

Постоянное беспокойство высказывается по поводу проникновения исламистских кадров в правительство, полицию, судебную и образовательную системы через предоставляемые привилегии [15, с. 92–93]. Уже в 1995 г. более полутора миллионов турок посещали курсы Корана, и их число удваивалось каждые 5 лет. Согласно данным исследования 1995 г., 492,809 студентов посещали 561 лицей для *имам-хатыбов* при существующей потребности лишь в 2,288 в год. Остальные выпускники (51,345 в год) осознанно шли учиться в юридические и политологические школы и академии, чтобы впоследствии устроиться в государственные структуры для преобразования общества на исламских началах. По оценкам на 2003 г., в стране действовало 2500 исламских ассоциаций, 500 религиозных благотворительных фондов (*вакф*), более 1000 исламских объединений, 1200 студенческих общежитий и более 800 частных школ и учебных классов [27, с. 64–65].

Растущая исламизация страны привела не только к превращению исламской оппозиции в правящее большинство и радикализации светской части общества, но и к усилению внутриисламской конкуренции. Явственно обозначился раскол исламских элит, прошедший между Реджепом Тайипом Эрдоганом и Фетхуллахом Гюленом. Получила развитие популярная в Турции конспирологическая идея глубинного государства (государства в государстве). Оно стало трактоваться как параллельное государство, т. е. теневое правительство, управляемое гюленовской общиной – *джамаатом* [32, 42].

Эрдоган начал зачистку политического поля от членов *джамаата* и наступление на образовательные проекты Гюлена, долгое время обеспечивавшие приток в государственные структуры гюленовских кадров. Тот, в свою очередь, задействовал все ресурсы своей мощной медиа-империи для дискредитации Эрдогана и разоблачения коррумпированности лояльных премьер-министру элит. Между двумя лидерами развернулась борьба за имидж представителей демократического ислама. Произошло парадоксальное слияние светских и религиозных общественных сил в противостоянии правительству, аккумулировавшее протестные настроения в массовых антиправительственных выступлениях 2013–2014 гг.

Хотя Хизбулла не участвует в текущих политических событиях явным образом, перестала существовать как террористическая организация и перешла в легальное поле, ее роль все же достаточно весома. Для турецкого общества она осталась «Партией ужаса», став архетипом исламского радикализма и своего рода мерилем радикальности ислама в Турции.

Литература

1. AB'den Türkiye'ye «internet andıcı» // Milliyet. 25.08.2010.
2. *Akyol T.* Hizbul Cahil // Milliyet. 27.06.2000.
3. *Alizira B.* The Istanbul Bombs: Challenging the Turkish Model? // Turkey Update. Center for Strategic and International Studies. December 3, 2003. Системные требования:

Adobe Acrobat Reader. Режим доступа: <http://csis.org/files/media/csis/pubs/tu031203.pdf> (дата обращения: 10.01.2014).

4. *Aras B., Gokhan B.* The Mystery of Turkish Hizbullah // Middle East Policy. – Vol. 9. – June 2002. – № 2. – P. 147–160.

5. *Bal İ.* Türkiye'nin Terörle Mücadele Deneyimi: Hizbullah Terör Örgütü Örneği // Terörizm. Terör, Terörizm ve Küresel Terörle Mücadelede Ulusal ve Bölgesel Deneyimler. Ed. by I. Bal. – Ankara: Uşak Yayınları, 2006. – P. 25–47.

6. *Benli M.H.* 12 Eylül raporunda 'tarikat' yorumu: Gittikçe büyüyen bir iç tehdit // Radikal. 13.07.2013.

7. *Biçer R., Dalkiliç M.* Dinî Temalı Terör Hareketlerinin Ana Nedenleri // Terörün Sosyal Psikolojisi. – Ankara: Polis Akademisi Yayınları, 2010. – P. 91–120.

8. *Bodur H.E.* Dini Motifli Terör Fenomeni ve İslâm'ın Siyasal İstismarı // Kahramanmaraş Sütçü İmam Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. S. 5. – 2005. – P. 65–88.

9. *Çakır R.* Derin Hizbullah. – İstanbul: Metis Yayınları, 2001. – 288 p.

10. *Çakır R.* Malatya'yı kaşıyan 'Cumasızlar' // Milliyet. 12.05.1999.

11. *Çakır R.* The Reemergence of Hizbullah in Turkey // Policy Focus № 74. Washington Institute for Near East Policy. – Washington, September 2007. – 20 p.

12. *Ceyhan B.* Hizbulvahşet'in 11 istihbaratçı infazı // Aksiyon. 4.09.2006.

13. *Demir İ.* Dinci faşizm, devrimci faşizme karşı // Taraf. 01.10.2013.

14. Dikkat: Hangi yasadışı örgüte kimler üye olur? // İyi Bilgi. 25.12.2007.

15. *Düzgüt S.A., Çakır R.* Turkey: a sustainable case of de-radicalisation? // Islamist Radicalisation: the Challenge for Euro-Mediterranean Relations. Ed. by Michael Emerson, Kristina Kausch, Richard Youngs. – Brussels-Madrid: CEPS & FRIDE, 2009. – P. 87–107.

16. Erdoğan'ın kafasındaki İslami faşizm // Haberland. 28.01.2011.

17. Ergenekon sanığı: Hizbullah'ı ben kurdum // Bugün. 18.01.2011.

18. *Fırat G.* Kürt-İslam Faşizmi. – İstanbul: İleri Yayınları, 2007. – 279 p.

19. *Gençtürk T.* Terör Kavramı ve Uluslararası Terörizme Farklı Yaklaşımlar. – Başkent Üniversitesi Stratejik Araştırmalar Merkezi, 2012. – 11 p.

20. *Gümüşi E.* İhvan-ı Müslim'in Zaferi Gönüllerimizi Ferahlattı // Yesrip [официальный сайт Хизбуллы]. URL:<http://www.yesrip.com/haber.php?id=8131> (дата обращения: 10.01.2014).

21. Hizbullah // Kara-Mesih (Deşifre): [сайт]. URL:<http://karamesih.tr.gg/H%26%23304%3BZBULLAH.htm> (дата обращения: 10.01.2014).

22. Hizbullah'ın dünü bugünü. Konca'nın dramı // Hürriyet. 24.01.2000.

23. Human Rights Watch. What is Turkey's Hizbullah? A Human Rights Watch backgrounder // Human Rights Watch: [официальный сайт]. 16.02.2000. URL:http://www.hrw.org/legacy/english/docs/2000/02/16/turkey3057_txt.htm (дата обращения: 10.01.2014).

24. *Hür A.* CHP, Ticaniler ve Atatürk'ü Koruma Kanunu.Tarih Defteri // Taraf. 10.02.2008.

25. İrticaî Faaliyetleri İzleyen Birimler Tarafından Hazırlanan ve MGK'na da Sunulan Rapor'un Tam Metni // Cumhuriyet. 21.01.2000.

26. *Ivanova V.V.* The Concepts of Turkish-Islamic Synthesis and Turkish-Islamic Ideal // Identity and Collective Memory. Ed. by Kjartan Selnes, Tatiana Senyushkina. – Oslo: Norway humanist association, 2013. – P. 100–105.

27. *Karmon E.* Radical Islamists Movements in Turkey // Revolutionaries and Reformers: Contemporary Islamists Movements in the Middle East. Ed. by Barry Rubin. – New York: State University of New York Press, 2003. – P. 41–68.

28. *Kaya S.* Radikal İslamcılar ve Sıradan Vatandaşlar // Taraf. 4.03.2012.
29. *Kayda E.* Başbakan Tayyip Erdoğan: «Neymiş, İslam adına yapıyormuş...» // Hürriyet. 28.09.2013.
30. *Larrabee F.S., Lesser I.O.* Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty. – Santa Monica: RAND Corporation, 2003. – 240 p.
31. *Mater N.* Slain Muslim Feminist Writer Honoured // InterPress Third World News Agency (IPS). 06.03.2000.
32. Operasyonu Gülen cemaati yaptı // Sabah. 21.01.2014.
33. *Özeren S., Sözer M. A., Demirci S.* Terör Örgütlerinde Militan Kimlik Profili: Türkiye’de Hizbullah Örneği // Terörün Sosyal Psikolojisi. – Ankara: Polis Akademisi Yayınları, 2010. – P. 139–165.
34. *Özeren S., Van de Voorde C.* Turkish Hizbullah: A Case Study of Radical Terrorism // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – Vol. 30. 2006. – № 1. – P. 75–93.
35. *Righter R.* The spectre of dictatorship hangs over Turkey // The Times. 07.08.2013.
36. Sivas Davası’nın avukatları şimdi ne yapıyor? // Haberland 13.03.2012.
37. Sivas'ta 14 yıl sonra Madımak sığacağı // Radikal. 03.07.2007.
38. Sivas'ta idam kesinleşiyor // Radikal. 18.10.1998.
39. *Sözer M.A., Sever M.* Violent Extremism in Terrorist Organizations: The Case of Turkish Hizbullah // Multi-Faceted Approach to Radicalization in Terrorist Organizations. Ed. by İ. Bal, S. Özeren, M.A. Sözer. Netherland: IOS Press, 2011. – P. 22–31.
40. *Şahin K., Türkkahraman M.* Türkiye’de Toplumun Radikal Hareketlere Bakış Açısı // Orta Doğudaki Siyasi Gelişmeler ve Güvenlik. – Ankara: Polis Akademisi Yayınları, 2010. – P. 183–204.
41. Times: Erdoğan Alkolü yasakladı çünkü kendisi de radikal islamcı // Turnusol. 28.05.2013.
42. *Tursun C.* Bize operasyonu cemaat yaptı // Hürriyet. 21.01.2014.
43. Türkiye’de ‘İslami terör’ alarmı! // Sözcü. 03.12.2013.
44. Urperten Bildiri // Hürriyet. 20.08.1999.
45. *Vela J.* Turkey to restrict sale and advertising of alcohol // The telegraph. 24.05.2013.
46. *Yağan O.E.* Uyandırılan Hizbullah: Bölüm 1 / Hizbul-Kontra’nın ortaya çıkışı // Sol Gazetesi. 25.04.2013.
47. *Yapar A.* Ortadoğu’da Yükselen Gerçek; Radikal İslam ve Sermayenin Mavi Marmara Tepkileri Üzerine // Arasta: [личная страница автора]. 21.12.2012. URL:<http://arasta.tumblr.com/post/38460446210/ortadogu-da-yukselen-gercek-radikal-islam-ve> (дата обращения: 10.01.2014).
48. *Yıldırımkaya G.* Radikal İslam’a karşı formül Türkiye mi? // Habertürk. 12.09.2011.
49. *Yüce A.* Din Maskeli Terörün Din Tahripçiliği // Terörün Sosyal Psikolojisi. – Ankara: Polis Akademisi, 2010. – P. 119–120.

Поступила в редакцию 28.08.2014 г.